

**Отзыв о диссертации Ковалева М.В. «РОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ
ЭМИГРАЦИЯ В ЧЕХОСЛОВАКИИ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ 1920-1970-Х ГОДОВ»,
представленной на соискание учёной степени доктора исторических
наук по специальности 5.6.1 Отечественная история**

История русской эмиграции XX века не перестает быть одной из приоритетных тем исторических исследований. При этом основное внимание по-прежнему уделяется эмиграции первой волны (1920-1930-х годов), отличающейся, среди прочего, ярким интеллигентизмом: ни одна из последующих волн не может похвастаться столь значительными представителями науки и культуры как послереволюционная. Однако это не означает, что эмиграция второй половины XX в. заслуживает меньше внимания, чем первой – в ней тоже было немало замечательных представителей науки и культуры. Кроме того, после окончания Второй мировой войны в странах Восточной Европы продолжали работу эмигранты первой волны, пытаясь встроиться в новую, социалистическую, реальность. Таковы судьбы Г.А.Острогорского, В.А.Мошина, А.В.Соловьева в Югославии, С.И.Гессена в Польше. Таковы судьбы многих ученых в послевоенной Чехословакии. Между тем, продолжающие выходить многочисленные эмигрантоведческие исследования по-прежнему основное внимание уделяют событиям межвоенного времени, в то время как попытки проследить судьбы эмигрантов в Восточной Европе на протяжении большей части XX в. предпринимаются значительно реже. Одной из таких весьма фундированных и впечатляющих по объему привлеченных источников работ является диссертация М.В.Ковалева.

Работа состоит из введения, пяти глав, заключения и списка использованных источников и литературы. Содержащее традиционные в исторические диссертации разделы введение в рецензируемую работу привлекает, прежде всего, обширной характеристикой источников. М.В.Ковалев, известный как неутомимый архивный исследователь, не изменил себе и в докторской диссертации, подробно изучив материалы из многочисленных архивохранилищ России, Чехии, Словакии, Сербии, Германии, Финляндии, Франции, Португалии, Великобритании, Венгрии и США. Многие из этих материалов впервые вводятся в научный оборот. Соискатель также не пренебрег опубликованными источниками разной видовой принадлежности, особую трудоемкость при работе с которыми вызвала, вероятно, периодическая печать, поиски нужной информации в которой обычно представляют весьма кропотливую задачу.

Первая глава диссертации посвящена масштабному мероприятию чехословацкого правительства по поддержке эмиграции («Русской акции») и ее влиянию на научную жизнь Зарубежной России. Наряду с использованием уже известных фактов, автор приводит множество почерпнутых преимущественно из архивов новых, не известных ранее

примеров как реализации акции, так и научного быта ученых-эмигрантов. При этом, хотя отдельные русские ученые получали специальные приглашения для приезда в республику, и, соответственно, для работы в чехословацких высших школах еще в 1919 г., то есть еще до завершения Гражданской войны в России, массового приезда эмигрантов в Чехословакию до начала «Русской акции» не было и, как справедливо отмечает соискатель, «примеры эти единичны, и связаны с крупными учеными, давно вовлеченными в чешскую и словацкую научную среду» (с.138).

Абсолютное большинство русских ученых прибыло в Чехословакию, конечно, уже в рамках акции правительства. Много и интересно - опираясь на материалы Архива Чехии - говорит Ковалев о прибытии в Прагу известного историка И.И.Лаппо и биолога П.В.Отоцкого.

Чрезвычайно важным представляется замечание соискателя об обстоятельстве, действительно, как он пишет, «ускользающем от внимания специалистов» о том, что «получение жалования по линии «Русской акции» отнюдь не накладывало на ученого педагогических обязанностей ни в эмигрантских, ни в чехословацких высших школах (с.115).

Важным наблюдением Ковалева является также то, что многие русские эмигранты-профессора (например, А.А. Кизеветтер и А.В. Флоровский) были не ординарными, а договорными, то есть сверхштатными профессорами. Более того, «практически все русские ученые без чехословацкого гражданства могли рассчитывать только на такие должности». При этом «эмигранты получали специальные стипендии по линии министерства иностранных дел. Их могли приглашать на временные контракты для чтения лекций в Карлов университет, которые оплачивались уже из средств министерства образования и народного просвещения. Постепенное свертывание «Русской акции» остро ставило вопрос о будущем русских ученых» (с. 158).

М.В.Ковалев справедливо обращает внимание на то, что хотя «русские ученые-эмигранты в своих мемуарах не раз жаловались на боязнь конкуренции со стороны чехословацких коллег и разницу менталитетов, которые мешали не просто взаимопониманию, но построению карьеры»(с. 153-154), эти претензии не всегда можно считать справедливыми, поскольку «у чехословацкой высшей школы просто отсутствовала потребность в большом количестве иностранных специалистов, тем более в тех областях, где могли успешно работать местные научно-педагогические кадры, тесно связанные с местным культурным контекстом и практическими потребностями государства». Нельзя, в этой связи, не согласиться с соискателем, что «чехословацкая образовательная среда впитывала русских ученых гораздо хуже болгарской или югославской» (с.182).

Новым, редко встречавшимся ранее в историографии, сюжетом является изучение взаимоотношений русских ученых и чехословацкой научно-исследовательской инфраструктуры. В результате изучения этого сюжета, М.В.Ковалев приходит к доказательному выводу о том, что

«чехословацкие научно-исследовательские объединения сыграли важную роль в поддержке российской научной эмиграции», причем это касалось не просто финансирования текущих исследований, но и интеграции в местную и европейскую науку». При этом М.В.Ковалев не скрывает и проблемы такой интеграции, которые касались, прежде всего, научного языка. «В особенности она затрагивала представителей естественных, точных и технических наук. Публикация исследований на чешском или словацком языке помогала вхождению в местную среду, особенно если эти исследования были приурочены к решению актуальных для республики проблем. Но в то же время это отрезало от зарубежной среды, где читающих на чешском или словацком было еще меньше, чем на русском». Стоит согласиться с соискателем, что «известности на международной арене способствовало участие русских ученых в крупных интернациональных конференциях, конгрессах и форумах. Чехословацкие власти по возможности были заинтересованы в поддержке подобных форм презентации знаний и открытий, поскольку русские ученые, если проанализировать сохранившиеся программы съездов, почти всегда представляли там именно чехословацкие, а не эмигрантские учреждения. Таким образом, они работали на международный авторитет чехословацкой науки, но одновременно продолжали развивать традиции науки российской» (с.232- 233).

Вторая глава диссертации «Российские ученые-эмигранты в Чехословакии и славянский мир» посвящена весьма важной стороне жизни и деятельности русской диаспоры. Вначале соискатель обращается к изучению славянского мира российскими учеными-эмигрантами. Закономерно основное внимание здесь уделяется ученым-гуманитариям – В.А.Францеву (в своих исторических построениях В.А. Францев находился под влиянием романтических славянофильских представлений и во всех своих работах проводил «идею славянской взаимности» (с.238)), А.А.Кизеветтеру (стоит специально отметить найденные Ковалевым в ОР РГБ неопубликованные работы ученого по славянской проблематике - Очерк истории Чехии, Исторические судьбы чешского народа, Речь в день рождения Т. Масарика (с.240)), А.В.Флоровскому («пример ученого, который к славянской тематике обратился впервые лишь в эмиграции, но который сделал ее главным направлением своей научной деятельности, сумел не просто синтезировать прежние достижения российской и зарубежной науки, но поистине открыть совершенно новые исследовательские сюжеты, вписать их в контекст европейской, а не только русской эмигрантской, науки» (с.248)).

Справедливым является утверждение соискателя, что «обращение к славянской проблематике было не только данью научной традиции и способом отдать дань уважения Чехословакии и другим славянским странам, приютившим русских эмигрантов», но «это был надежный способ научной интеграции в новое интеллектуальное пространство, тем более что славянская тематика (или же российско-славянская тематика) оказывалась порой более востребованной, чем сугубо российские сюжеты» (с.241).

Однако М.В.Ковалев значительное внимание уделяет и ученым-естественникам, на примере, в частности, творчества знаменитого геолога Д.Н. Андрусова.

Третья глава «Институциональные структуры и коммуникативные практики российской эмиграции» рассказывает об участии русских ученых в деятельности Русского заграничного исторического архива (РЗИА), об организации ими научных съездов, о Русском институте в Праге, а также о деятельности кабинета С.Н.Прокоповича.

Важным сюжетом (жаль, не продолженным в других разделах) является защита диссертаций в Русском Зарубежье. Автор, характеризуя принятые на съезде русских академических организаций правила присуждения ученых степеней, рассказывает о состоявшемся в Большой аудитории Минералогического института публичном диспуте преподавателя Русского института сельскохозяйственной кооперации в Праге И.В. Емельянова, который представил работу «Кооперативные организации среди земледельцев» на соискание ученой степени магистра агрономии. Защита прошла успешно, и он был утвержден в искомой степени (с. 308).

Важным сюжетом, поднимаемым Ковалевым в диссертации, является архивная деятельность пражской ветви интеллектуальной эмиграции. Стоит отметить, что соискатель не повторяет уже известные факты организации РЗИА, но показывает работу пражских архивистов на широком европейском фоне. Справедливо он отмечает работу конкурирующих по сбору материалов русского общественного движения Международного института социальной истории, открытого 25 ноября 1935 г. в Амстердаме («Его сотрудникам ценой невероятных усилий приходилось спасать документальные собрания по истории рабочего и социалистического движения от неминуемой гибели» С.369) и, разумеется, советских архивистов, которые уже в 1920-х гг. начали сбор документов по истории революционного движения (с.370).

Нельзя не согласиться с наблюдением автора над становлением и развитием археографической практики сотрудников РЗИА - «начало публикаторской деятельности архива было официально положено в 1928 г., после того как 15 мая Совет РЗИА одобрил представление Ученой комиссии о подготовке первого сборника документов» (с.382).

Важной частью диссертации является параграф о Русском институте. Автор прав – это научное заведение часто путают с другими учреждениями русской эмиграции. Как отмечает ссылаясь на В.В.Руднева М.В.Ковалев, еще в 1916 г. была высказана мысль о необходимости создания в Праге русского научного представительства. Упоминаются Русский археологический институт в Константинополе, ученый корреспондент Императорской академии наук в Риме. Автор вполне справедливо *предполагает*, что решение этой проблемы совпадало «с внешнеполитическими задачами властей, все еще уверенных в скорой победе» (с.405). Между тем, в литературе есть прямые указания на высказанные незадолго до октябрьских событий 1917 г. *намерения* Российского (временного) правительства создать Русские институты.

Непосредственным участником этих обсуждений был неоднократно упоминаемый в диссертации историк-античник М.И.Ростовцев, о чем он сам писал в статье 1919 г. (Ростовцев М.И. Организация будущих научных отношений между странами союзницами // Он же. Избранные публицистические статьи 1906-1923 гг. М., 2002. С.65-72, 133). Установление связи между усилиями П.И.Новгородцева по организации института в Праге и не реализовавшимися намерениями Временного правительства – дело будущих исследований.

Вывод же М.В.Ковалева о том, что создание Русского института можно расценивать как «первую попытку завязать деловые отношения между эмиграцией и чехословацким окружением на неполитической, беспартийной основе» (с. 407) не вызывает возражений, как и его замечание, что эта попытка оказалась не вполне удачной, поскольку исследования членов института «были ориентированы не на иностранного, а на русского читателя» и «лишь немногие русские ученые пытались в своих работах использовать чехословацкий материал» (с. 433).

Если Русскому институту посвящен параграф диссертации, то Институту им.Н.П.Кондакова - целая *глава (4-я)*. Что неслучайно: это объединение историков и искусствоведов – одно из наиболее известных в истории эмиграции. Из пяти параграфов главы наибольшее внимание привлекают посвященные международным связям института, отличающиеся привлечением ранее не известных источников, почерпнутых из зарубежных и российских, в том числе местных, архивов. Автор фактически впервые в отечественной науке показывает тесные связи кондаковцев с венгерскими коллегами, делая вполне доказательный вывод о том, что «российско-венгерский интеллектуальный диалог в зеркале деятельности Археологического института имени Н.П. Кондакова выглядит вполне масштабным и результативным» (с.575).

Безусловный интерес привлекает изучение автором заграничных командировок кондаковцев, которые, как справедливо говорит М.В.Ковалев, не ограничивались конгрессами византийских исследований (с.586) - несмотря на крайне ограниченные материальные ресурсы русским ученым-эмигрантам удалось реализовать ряд важных исследовательских проектов по изучению средневековых памятников в Греции, Югославии и Болгарии, тем самым во многом продолжив начатую еще до революции исследовательскую линию (с.605). Также любопытны показанные автором связи кондаковцев с Саратовским университетом и с русским египтянином Г.И. Лукьяновым. Как справедливо отмечает Ковалев, последние примечательны не только тем, что «указывают на существование контактов между «русской Чехословакией» и «русским Египтом», причем в контексте более широких, международных, научных коммуникаций», но и «отражают в себе успехи и трудности научных взаимодействий в русской эмигрантской среде» (с. 630). Весомое место кондаковского института в изучении истории искусств, в частности, в византистике уже давно никем не оспаривается, но соискателю удалось

серьезно расширить наши представления о международных связях этого научного объединения, показать его воистину общемировое значение.

Последняя, пятая, глава посвящена послевоенным судьбам русской эмиграции в Чехословакии и ее связям с различными научными центрами, прежде всего, советскими. Тема эта – необъятная и вполне заслуживает отдельного исследования, поэтому неслучайно автор изложил проблему на примере биографий двух ученых, естественника и гуманитария. Первый из них, известный ихтиолог Б.С.Костомаров, предстает перед нами как человек сложной судьбы, начавший с преданности Белому делу, а закончивший как верный, хотя, возможно, и не активный, адепт социалистического строительства в Чехословакии. Автор метко назвал Костомарова «молчаливым соучастником советизации чехословацкой интеллектуальной жизни». Причем это соучастие сочеталось с пропагандой реальных достижений российской и советской биологической науки (с.668).

Жизнью и творчеством историка А.В.Флоровского М.В.Ковалев занимается давно и плодотворно. Приобрели широкую известность статьи Ковалева об ученом, также как и изданные им неопубликованные сочинения историка, который «не считал себя иностранцем, не считал эмигрантом, не отделял себя от русской культуры» (с. 722). В диссертации М.В.Ковалев особое внимание уделил послевоенным сочинениям Флоровского, прежде всего неоконченному труду по истории взаимоотношений России с Центральной Европой, а также сочинениям по истории Петра Великого. По справедливому замечанию Ковалева, разрабатывая первую тему, Флоровский «все отчетливее осознавал потребность в свободном обмене информацией, передаче идей и знаний». Что касается петровской тематики, то «именно она вдохновляла его на развитие научных связей с коллегами в СССР» (с.730).

Подводя итог, следует сказать, что перед нами самостоятельное законченное исследование важной актуальной темы, имеющее бесспорное значение для развития исторической науки. Работа написана хорошим литературным языком, автореферат и опубликованные работы отражают содержание диссертации. При этом, как любое научное сочинение, оно не идеально и отдельные замечания уже были высказаны выше. К ним можно добавить следующие:

- при использовании весьма обширного списка литературы, все же есть некоторые досадные лакуны. Так, например, даже не упоминается посвященная Г.В.Вернадскому, в том числе, пражскому периоду его жизни, объемная монография А.Ю.Дворниченко; справедливо говоря, что «об истории «философских пароходов» уже написано очень много», автор в подтверждение своих слов ссылается преимущественно на работы, опубликованные до начала 2010 г., а работы последних лет, вышедшие, например, к юбилею высылки в 2022, не приводит вовсе (с. 110);

- работу усилило бы сравнение деятельности похожих по задачам организаций в Чехословакии и в других странах, прежде всего, Русского института в Праге и в Париже, а также РНИ в Берлине; то же можно сказать о

схожих судьбах ученых, например, в послевоенной Чехословакии и в Югославии;

- иногда автор, желая дать читателю интересную информацию, довольно далеко уходит от тематики исследования. Так, например, вряд ли стоило уделять столько внимания организации четвертого и пятого съездов русских ученых в Белграде и Софии;

- обширность работы обратной стороной имеет значительное количество описок, иногда носящих сущностный характер – так не единичны ошибки в датах жизни персонажей (например у А.Белича 1976–1970 вместо 1876 -1960) (с. 102). Периодически автор сбивается с научного стиля изложения на публицистический (например, «история взаимоотношений ... прекрасно освещена в работах...», «необходимо отдать должное профессору Алексею Степановичу Ломшакову (с.94)).

Все эти замечания, конечно, не исключают главного вывода: диссертационное исследование «Российская научная эмиграция в Чехословакии в системе международных интеллектуальных коммуникаций 1920-1970-х годов» отвечает требованиям пп.9-14 «Положения о присуждении ученых степеней» от 24 сентября 2013 г., а его автор Ковалев Михаил Владимирович заслуживает присвоения степени доктора исторических наук по специальности 5.6.1 Отечественная история.

Официальный оппонент, д.и.н., проф., и.о.зав.кафедрой философии, истории и политологии ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И. Г.Петровского»

*Михальченко Сергей Иванович.
16.11.2024.*

С. И. Михальченко
Подпись _____ звание _____
Докладываю _____

Контактные данные

241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14

ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского»,
Кафедра философии, истории и политологии

тел.: +7 (4832) 58-05-50, доб. 1158, e-mail: ips310@yandex.ru